

Глава 3. Найти кого-то послушного, красивого и с добрым нравом...

Старший Лю поспешно переспросил:

— Что же это за лакомство такое?

Лю Тяньцзяо, сияя, усадил отца за стол и подставил ему чашу с цзюнян доухуа, густо посыпанным лепестками золотого османтуса. Соевый пудинг нежно дрожал, источая тонкий аромат закваски.

— Отец, скорее попробуй, — преподнёс он угощение, будто редкое сокровище. — В такую жару — лучшее средство.

Несмотря на суровую внешность и грубые манеры, мясник был известным сладкоежкой. Стоило первой ложке нежного пудинга оказаться во рту, как он расплылся в довольной улыбке.

— Вкусно! Мастерство нашего Цзяо-гэ'эр уже ничуть не уступает лучшим поварам в городе.

Юноша самодовольно вскинул подбородок:

— А то! Вот выкупим мясную лавку, наймёшь себе помощника, а я рядышком поставлю прилавок со сладостями да прохладительными напитками. Помяни моё слово — отбоя от покупателей не будет.

Старший Лю рассмеялся:

— Хорошо, хорошо. Постараюсь в этом году собрать нужную сумму.

Их семейная мясная лавка процветала уже не первый год. Благодаря намётанному глазу Лю Лаода всегда выбирал лучших свиней, а его честность в делах притягивала покупателей. Конкуренты, глядя на такой успех, зеленели от зависти. Многие шептались, будто само место обладает магической удачей, и всеми правдами и неправдами пытались перекупить право аренды. К счастью, домовладелец оказался человеком порядочным: видя, как заботливо мясник относится к помещению, он раз за разом давал завистникам от ворот поворот.

Однако глава семьи понимал — вечно так продолжаться не может. Нужно было выкупить лавку в собственность, вот только свободных денег всё не хватало. Времена стояли мирные, и цены на недвижимость в городке неуклонно ползли вверх. Если ещё пару лет назад за подобное заведение просили около восьмидесяти лянов, то теперь хозяин требовал уже не меньше сотни.

Торговля мясом приносила неплохой доход: за вычетом аренды Лю Лаода ежемесячно клал в кошель больше ляна серебром. Но жизнь большой семьи требовала расходов, и если к концу

года удавалось отложить десять лянов — это уже считалось удачей. За десять лет упорного труда они скопили сотню, но из этих денег купили два му плодородной земли, обновили дом, да и на лечение сяоде Тяньцзяо ушло немало. В итоге в заначке осталось всего шестьдесят-семьдесят лянов.

Что же до выходного пособия, полученного после службы в армии, то оно давно разошлось. Свадьба, обустройство — всё требовало трат. Семья его мужа была жадной до крайности и затребовала непомерный выкуп. Супругам пришлось не один год во всём себе отказывать, прежде чем они смогли накопить на открытие собственного дела.

Для обычного крестьянина семьдесят лянов были целым состоянием. Но покупка лавки — дело иное; иные семьи ради такого впрягаются в лямку на добрых три десятилетия. Лю Лаода же спешил: его любимому гэ'эр скоро исполнялось шестнадцать, а на пороге до сих пор не появилось ни одного приличного свата.

Поначалу отец злился, но после рассудил иначе: зачем его мальчику уходить в чужую семью? У них есть и дом, и земля. Если обзавестись ещё и собственной лавкой, не лучше ли будет взять зятя-примака в дом?

Конечно, на долю примака соглашаются немногие достойные мужи, чаще это люди отчаявшиеся или никчёмные. Но ведь его Цзяо-гэ'эр — парень способный! И заработать сумеет, и стол накрыть. Ему нужен лишь кто-то послушный под рукой. И неважно, будет ли в избраннике великая удаля: как только родится ребёнок, всё имущество останется в руках Тяньцзяо, а закон и обычаи свяжут зятя по рукам и ногам. Куда он денется?

А если и вздумает характер показывать — что же, тогда в дело вступят кулаки. С такой силой, как у его сына, тот точно в обиду себя не даст.

Словом, Лю Лаода продумал всё до мелочей. Он твёрдо решил поднажать в делах, приумножить богатство, а после, не скупясь на приданое, подыскать для сына мужа — покладистого, пригожего лицом и доброго нравом. Только так он мог считать свой долг перед покойным супругом исполненным.

Лю Тяньцзяо, не подозревая о грандиозных планах отца, подкладывал ему в чашу нежную, блестящую от масла жареную печень и ворчал:

— Эта Цянь Цуйхуа сегодня опять у нашего прилавка скандал устроила. Как бешеная собака — на каждого прохожего лает.

Лю Лаода нахмурился:

— Не обращай внимания. Эта семейка своего не упустит. Если сунется ещё раз, я просто хорошенько всыплю Цянь Лао'эр.

Достойному мужу не пристало тягаться с женщиной, но поучить родного брата уму-разуму — святое право старшего. И сколько бы старики Лю ни причитали, кулак Лю Лаода никогда не знал жалости. Не зря же Сяо Цянь-ши припустила из лавки, стоило ей услышать о возвращении деверя.

Тяньцзяо довольно хмыкнул:

— Всё-таки ты у меня лучший, отец.

Старший Лю ласково улыбнулся:

— А кто же, если не я?

Когда его супруг отошёл в мир иной, многие свахи обивали порог мясника — мастер он был видный, рукастый. Но он всем отказал. Больше всего на свете отец боялся, что мачеха заставит его сына страдать. Он знал: сироте без матери всегда достаётся больше прочих, а потому предпочитал, чтобы о крутом нраве Лю Тяньцзяо шла дурная слава, лишь бы тот не знал обид.

Вспомнив о покойных, Лю Лаода спохватился:

— Завтра похороны матери Вэнькана. Мне нужно пойти помочь. Ты со мной?

Лю Тяньцзяо отказался без малейших колебаний:

— Ни за что. Отец, ты разве забыл? Мы с ним кровные враги.

Вражда эта, хоть и казалась пустячной со стороны, заставляла юношу скрежетать зубами уже много лет.

У ремесла мясника был один существенный изъян — вьедливый запах крови и жира, который, казалось, пропитывал сами стены дома. Из-за этого деревенские ребятишки в детстве частенько дразнили Тяньцзяо, что и становилось причиной постоянных драк.

Несмотря на то, что Лю Тяньцзяо был гэ'эр, силой он пошёл в родителя. Лю Лаода не жалел для него еды, и с малых лет мальчишка рос крепким, будто молодой бычок. В округе не нашлось бы сверстника, способного одолеть его в честном бою. Кроме одного — Вэй Вэнькана.

В отличие от коренастого и шумного Тяньцзяо, Вэй Вэнькан с детства отличался утончённой красотой. Разрез его глаз напоминал лепестки персика, кожа была белой, а переносица — высокой и прямой. Маленький Цзяо-гэ'эр тогда и слов-то нужных не знал, чтобы описать его облик, но при первой же встрече решил: сказочные феи из театральных постановок, должно быть, выглядят именно так.

Тогда Тяньцзяо, заворожённый, протянул ему зажатую в кулачке сахарную фигурку, которую хранил полдня.

— Сестрёнка, какая же ты красавица! На, съешь конфету, и дай я тебя поцелую, ладно?

Кто же знал, что Вэнькан, увидев перед собой перемазанную в саже ладонь, не выдержит и со всей силы влепит по ней пощёчину. Удар оказался настолько крепким, что рука Тяньцзяо мгновенно покраснела, а драгоценная сладость упала в пыль — ищи теперь свищи.

Тяньцзяо, считавший себя грозой деревни, подобного унижения стерпеть не мог. Позабыв о всякой красоте, он с яростным воплем бросился на обидчика, и в мгновение ока они сплелись в яростный клубок.

Когда взрослые наконец растащили драчунов, Вэй Вэнькан был весь в синяках и шишках, а на его штанах красовались отпечатки грязных башмаков. Его противник выглядел куда приличнее — ни царапины, — вот только вопил он так пронзительно и жалобно, будто из него живьём тащили жилы.

Взрослые, привыкшие к несносному нраву Тяньцзяо и видя перед собой чистенького, хрупкого Вэнькана, быстро рассудили, кто прав, а кто виноват. Мальчишку приволокли домой за шиворот, и его сяоде, не слушая оправданий, самолично отходил его хворостинкой. Старые и новые синяки заживали после той порки добрых десять дней.

Стоит сказать, что Тяньцзяо был единственным ребёнком, и хоть рос он сорванцом, ни один из отцов прежде и пальцем его не тронул. И вот — мало того, что он потерял конфету и гордость, так ещё и получил на орехи за «обиду слабого». Как после такого было не возненавидеть Вэй Вэнькана?

Лю Лаода, видя, что сын до сих пор поминает эти дела давно минувших дней, не сдержал смешка:

— Ну и ну. В других делах ты вроде не из мелочных, а на этого мальчишку Вэй зуб точишь до сих пор.

— А кто виноват, что сяоде меня из-за него ни за что ни про что выпорол?

— Твой сяоде при жизни об этом постоянно твердил. Столько лет прошло, неужто тебе самому не надоело?

— Если меня незаслуженно обидели, я имею право помнить!

Лю Лаода лишь развёл руками:

— Помни, если хочется. Только учти: парень этот способный и сердцем верный. В будущем веди себя с ним поскромнее. Кто знает, как жизнь повернётся — вдруг ещё придётся идти к нему с поклоном?

Лю Тяньцзяо фыркнул:

— К нему? Да от него пользы меньше, чем от Сяо Хуана у деревенских ворот. У него же тело как у нежной барышни.

Отец подмигнул ему:

— И при этом ты сам жаловался, что он побил тебя до боли?

Тяньцзяо едва не подпрыгнул на месте:

— Да не побил он меня! Разве бы он справился со мной в открытом бою? Он подло поступил — щипался!

— Что-то я не припомню на тебе следов.

Юноша в ярости уставился на отца. Ну как ему объяснить, что его кожа была слишком грубой, чтобы на ней так просто остались какие-то следы от щипков?

— Ох уж этот ребёнок... — Лю Лаода с улыбкой покачал головой, собрался и направился к дому Вэй Вэнькана.

Когда семья Вэй только приехала в деревню Циншуй, их было трое, но после смерти отца остались лишь Вэнькан с матерью. Его мать, считавшая себя особой благородного происхождения, на деревенских смотрела свысока и знакомств ни с кем не заводила.

Похороны решили не устраивать пышными: лишних денег не было, да и приходиться на прощание, кроме соседей, было некому. В доме устроили скромный поминальный зал, где Вэй Вэнькан в одиночестве стоял на коленях перед алтарём.

Прошло всего несколько дней, но и без того худое лицо юноши осунулось ещё сильнее. Глаза запали, а тяжёлые траурные одежды из грубой конопли теперь висели на нём, колыхаясь от малейшего сквозняка, будто тонкая кисея.

Услышав шаги, Вэнькан поднялся. Ноги, затекшие от долгого бдения, дрогнули, и он слегка

пошатнулся.

— Дядюшка Лю, вы пришли.

Лю Лаода поспешно подхватил его под локоть:

— Береги себя. Ты ещё молод, не хватало только подорвать здоровье.

Вэй Вэнькан слабо улыбнулся:

— Всё в порядке.

— Что значит «в порядке»? Другие постоят немного ради приличия, и ладно, а ты — упрямец, всё по совести делаешь.

— Пока матушка была жива, я не уделял ей достаточно заботы, — голос юноши звучал глухо. — Теперь, когда она ушла, я лишь пытаюсь искупить свою вину.

— Где же «недостаточно»? Уж я-то знаю, более преданного сына во всей округе не сыскать.

Взгляд Вэй Вэнькана потемнел от невысказанной печали.

— До Цзяо-гэ'эр мне всё равно далеко.

<http://bllate.org/book/15343/1372739>